

«СЛЕПЫЕ ФАРИСЕИ» И «СЛУГА НАРОДА»: ИДЕОЛОГЕМА «ВРАГА»
В АВТОМИФОТВОРЧЕСТВЕ Г. ГРЕБЕНЩИКОВА

А. Ю. Горбенко

«BLIND PHARISEES» AND «PEOPLE'S SERVANT»: THE IDEOLOGEME
OF «ENEMY» IN G. GREBENSHCHIKOV'S AUTO-MYTH-MAKING

A. Yu. Gorbenko

В статье обсуждается стратегия автомифотворчества Г. Д. Гребенщикова. Начинающий сибирский писатель конструировал миф о «писателе из народа», с помощью которого решал задачу вхождения в литературу. Автор приходит к выводу, что ключевым моментом создания литературной биографии Гребенщикова стала негативная идентификация по отношению к интеллигенции, которая заняла место символического «врага» писателя.

The paper deals with the strategy of G. Grebenschchikov's auto-myth-making. The beginner Siberian writer constructed a myth about «a writer from the common people», using which he accomplished the task of entering the literary world. The author came to the conclusion that the key feature of making up a literary biography became a negative identification concerning the intelligentsia which occupied the position of a symbolic «enemy» of the writer.

Ключевые слова: Г. Д. Гребенщиков, автомифотворчество, писательская идентичность, негативная идентичность, литературная биография, литературная репутация, идеологема «врага».

Keywords: G. D. Grebenschchikov, auto-myth-making, writer's identity, negative identity, literary biography, literary reputation, ideologeme of «enemy».

В литературе, посвященной Г. Д. Гребенщикоу, уже предпринимались попытки описать его «путь в литературу» и сопряженный с ним процесс автомифотворчества литератора. Круг проблем, связанных с созданием писательской мифологии затрагивается в ряде работ Т. Г. Черняевой [6; 13; 14]. Особое внимание исследовательницы сосредоточено на «автобиографическом» письме начинающего автора критику Л. Клейнборту, в котором, по ее мнению, «Гребенщиков начинает создавать “миф” о рождении писателя из крестьян» [6, с. 4; 14, с. 8]. Но, во-первых, Т. Г. Черняева рассматривает исключительно сибирский период творчества Г. Д. Гребенщикова, однако автомифотворческий процесс не прекращался и в эмиграции. Во-вторых, в работах исследовательницы на первый план выходит точное и скрупулезное изложение биографических фактов, но меньше внимания уделено концептуализации приведенного в изобилии материала. В-третьих, мы не можем согласиться с тем, что в этом письме 1915 г. Г. Д. Гребенщиков «начинает» создавать миф. В упомянутом письме содержится связный, сюжетно проработанный нарратив. Однако процесс конструирования мифа о «писателе из народа» был начат Г. Д. Гребенщикоу как минимум десятилетием раньше в стихотворении «Моя отчизна» (1906).

С самого начала своей писательской деятельности Г. Д. Гребенщиков работает над созданием своей литературной биографии, выстраивая мифологический метасюжет о «писателе из народа». Общие контуры этого сюжета таковы. Рожденный в «глухой» провинции («тьме»), выходец из крестьян, «влюбившись» в литературу, принимает решение стать писателем. Преодолевая естественные трудности биографического характера, он вынужден столкнуться с трудностями искусственными – «кознями», которые строят ему литераторы-интеллигенты (конфликт приобретает отчетливо классовый обертон). Но писатель-крестья-

нин преодолевает все препятствия и движется из провинциальной «тьмы» к «свету» столичной культуры. Свое решение эмигрировать из России в 1920 г. Г. Д. Гребенщиков постфактум также встроит в этот биографический миф, описывая эмиграцию как «изгнание», которое привело его к культурной и географической изоляции в Америке (писатель перебрался туда в 1924 г.). Сценарий поведения и стратегия самопрезентации «изгнанника» позволили литератору довести конструкцию мифа до логического предела: в американский период творчества он реализовал модель поведения учителя и проповедника – «проводника» по пути от «тьмы» провинциального невежества к «свету» культуры, предварительно пройденному им самостоятельно.

На протяжении всего литературного пути, создавая собственный биографический канон, писатель стремился всеми возможными средствами (прежде всего с помощью критической полемики) контролировать его незыблемость, резко отзываясь на любые попытки его корректировки и/или демифологизации. Создание мифа о «писателе из народа» и контроль над незыблемостью его канонического варианта позволяли сибирскому писателю в разное время успешно решать задачу вхождения в «поле литературы» (термин П. Бурдые) на разных этапах: в Сибири, во Франции, в США и т. д.

Г. Д. Гребенщиков создавал такие сюжеты, внутри которых его герой (литературное alter ego автора или – в автобиографических, эпистолярных и публицистических текстах – он сам) находится в ситуации double bind («двойного зажима»): «оторвавшись» от крестьянства, став для него «чужим», он в то же время не становится «своим» для дворян-литераторов [ср.: 13, с. 43]. Таким образом, герой автобиографического метанарратива Гребенщикова оказывался в окружении «врагов» или, по крайней мере, антагонистов. В данной статье мы остановимся на одной груп-

пе «врагов» – литераторах, которых Г. Д. Гребенщиков определял как «интеллигенцию», поскольку идеологема «врага»-интеллигента представляется нам наиболее репрезентативной и продуктивной. Отметим, что мы осознанно оставляем «за скобками» диахронический анализ сложной амбивалентности отношения Гребенщикова к интеллигенции (иногда в один и тот же период восторженно-позитивного и резко-негативного), считая его выходящим за рамки задач настоящей статьи.

Центральной для литературной мифологии Г. Д. Гребенщикова является статья «Перед судом фарисеев (Моим врагам)» (1909), которая стала ответом на критику его дебютной пьесы «Сын народа» (1908). Постановка пьесы в Семипалатинске имела большой успех [14, с. 13], который сопровождался позитивным отношением Г. Д. Гребенщикова к высоко оценившей его литературный труд интеллигенции. Омская премьера, напротив, вызвала резкую критику, апофеозом которой стала не сохранившаяся статья присяжного поверенного Н. Самойлова.

Этот травматический опыт стал ключевым для самоидентификации молодого писателя, выбравшего стратегию ресентимента и на протяжении всей своей долгой литературной жизни конструировавшего идентичность «писателя из народа». Г. Д. Гребенщиков ответил Н. Самойлову резкой статьей «Перед судом фарисеев». Тон статьи исследователи традиционно объясняют автобиографичностью пьесы, самоидентификацией автора с героем [9, с. 534; 14, с. 13 – 14]. Но этот мотив не был единственным. Критика дебютной пьесы предоставила Гребенщикову возможность эксплицитно дихотомию «крестьянский писатель vs. интеллигенция» и оформить в цельный сюжет мотивы, появившиеся уже в самых ранних его произведениях. Статью «Перед судом фарисеев» стоит рассматривать как акт автомифотворчества – жест, созданный в рамках жизнестроительной работы над собственной литературной биографией и литературной репутацией.

В этой статье Г. Д. Гребенщиков обратился к ряду претекстов, позволивших ему подключиться к литературной традиции героев-одиночек, находящихся в конфронтации со средой: «И если б даже целый мир восстал против меня, я буду все-таки самим собою и со своей совестью я в сделку не вступлю и содержание». Так, следуя стратегии ресентимента, он создает образ оскорбленного интеллигенцией «слуги и сына» народа, используя автопроекцию на фигуру Прометея и наделяя себя функциями трикстера («Я шел к вам для того, чтоб взять у вас огня и засветить свой факел и с ним вернуться в тьму...»), похитившего огонь у богов («наверху») и давшего его людям («внизу»). Но добыть «огня» не удастся: «вы давно уж потушили свой огонь и злобною насмешкой встретили меня и оттолкнули и фарисейский приговор над простотой моей произнесли!...». Более того, «слепые фарисеи»-интеллигенты «травят» писателя-крестьянина «как связанного волка». Семантически значима «слепота» гонителей героя, поскольку в поэтике гребенщических текстов зрение выступает как ключевой анализатор и канал коммуникации с миром и его описанием. Сюжет поругания «писателя из народа» проецируется

на евангельский текст. Образ писателя, травимого интеллигенцией, подсвечивается фигурой Христа (ср. интерес писателя к сюжету страстей Христовых, о котором свидетельствует более поздний замысел пьесы под названием «Голгофа Дуноюшки», которая не была написана). Параллелизм героя с Христом создается наличием в тексте антагонистов героя («фарисеев»), а также мотивом камня, брошенного (или предлагающегося для броски) в «праведника»: «мысль мою вы душите в ее начале и адским хохотом встречаете мой труд и каждую мою ошибку толкуете как преступление, чтоб лишний камень бросить мне» [4]). Локальный литературный конфликт переводится Гребенщическим в «высокий» план евангельской истории.

Итак, Г. Д. Гребенщическим был найден образ «врага», присутствующим уже в названии текста в виде адресата, – «Моим врагам». Если в «Моей отчизне» на роль врага лирического героя мог претендовать разве что сам ландшафт, традиционно описанный как лиминальное пространство символической «тьмы» и смерти [12; ср.: 1, с. 30 – 57] («Моя отчизна – скучная деревня // Для детства моего была – могила» [4]), то в обсуждаемой статье «враг» персонифицирован – им становится интеллигенция. Определив врага, молодой литератор формирует собственную идентичность. Л. Гудков определяет механизмы негативной идентификации, характерные для русской культуры, как «самоконституцию от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженную в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя – в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего» [8, с. 271]. Идеологема «врага» стала ключевой в этом процессе, поскольку «[и]меть врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим» [15, с. 13]. Такая «демонстрация» заключалась в «узурпации» культуртрегерских функций (трикстерский подход за «огнем»), чтобы «с ним вернуться во тьму»), которые в русской культуре нового времени принадлежали интеллигенции, и артикуляция намерения заместить интеллигенцию в культурном поле, трансформировав и перекроив традиционную «символическую карту» (термин К. Гирца). Если интеллигенция, культурная элита не в состоянии выполнить свою миссию «вести народ» («вы давно уж потушили свой огонь», «именем вождей народных называясь, вели заблудший измученный народ по иглам вашего позорного тщеславья»), то ее место должен занять писатель «из крестьян». Так молодой сибирский литератор, входя в литературу, своей трикстерской стратегией инвертировал народническую схему: спустя полвека после «хождения» интеллигенции в народ, представитель «народа» строил свою литературную биографию на совмещении вектора народников (из культуры в природу, т. е. «сверху вниз») с противоположным ему (из природы в культуру, т. е. «снизу вверх», и – обратно).

Г. Д. Гребенщиков создает схему конфликта поэта со средой, противоположной «пушкинской». В случае А. С. Пушкина мы имеем дело с конфликтом поэт vs. толпа («чернь»). Поэт не может быть понятым, он

аргіоті одинок, это непонимание грозит перерасти в преследование. Давление на поэта оказывается в этом случае «снизу». Г. Д. Гребенщиков находит оппонентов «наверху»: поэту гребенщиковского мифа враждебна не масса, а культурная элита. Конфликт поэт-аристократ vs. толпа сменяется коллизией писатель-крестьянин vs. интеллигенция.

При этом главным полемическим приемом писателя с самых ранних текстов стал *argumentum ad hominem* – прием, который заключается в переходе «на личность» оппонента и призван скомпрометировать последнего. Так, с самого начала литературной карьеры Гребенщикова, вырабатывается беспроигрышная модель, внутри которой он становится как бы неуязвимым: если критик негативно отзывался о его произведении, то это вызвано социальным происхождением автора, а не качеством его текста. Пользуясь аргументацией *ad hominem*, Г. Д. Гребенщиков в любом полемическом отклике на свои произведения подозревает репрессивную реакцию хранителей символического капитала, ограничивающих доступ к нему писателей «из народа» (по логике борьбы, происходящей в «поле литературы», описанной П. Бурдые [2]). Любую критику своих литературных текстов он переводит в поле классовой «травли». Таким образом, критика работает в пользу литературной биографии писателя, наделяя ее чертами агиобиографии и работая на создаваемую им репутацию литературного мученика.

Риторическая стратегия, выработанная Гребенщиковым в сибирский период, оставалась актуальной и в эмиграции (ср. иную трактовку в [7, с. 7]). Многочисленные в эмигрантской среде конфликты и разногласия, лежавшие в области собственно литературы или литературного быта, Г. Д. Гребенщиков нередко решал, опираясь на свой писательский миф. Излюбленным полемическим приемом писателя, как и в середине девятисотых, продолжает оставаться *argumentum ad hominem*. Так, например, в 1931 г. он пишет Д. В. Философову, на тот момент редактору варшавской газеты «За свободу»: «как-то не верится, чтобы такая почтенная газета, как Ваша, <...> могла так странно отнестись к четверти века упорных трудов писателя из народа, за который в особенности Вы, борцы За Свободу, так всегда ратовали. Неужели мы, крестьяне, вам любы только тогда, когда мы полуслепое быдло, а как только мы сами себе добудем ту или иную свободу культурных действий, вы сейчас же стремитесь умалить наше значение» (ксерокопия га-

зетной вырезки, содержащей письмо, находится в личном архиве Р. Григорьевой. Цит. по: [7, с. 10 – 11]).

Спустя четыре года в письме от 22 сентября 1935 г. П. Н. Краснов упрекнул Г. Д. Гребенщикова в том, что тот нарушил конвенции реалистического метода, описав в романе «Чураевы» сцену, которой не было в действительности и оставив при этом персонажам имена прототипов, результатом чего стала «клевета на невинную, честную, прекрасную женщину, вдову генерала Самсонова» [3, с. 56]. В ответном письме Г. Д. Гребенщиков прибегнул к своей излюбленной риторической операции, объяснив критические «нападки» адресанта разницей социального положения. Такая реакция на литературную критику, никак не сопряженную с выяснением вопроса о происхождении автора «Чураевых», удивила Краснова: «Вы обиделись, и в Вашей обиде на меня у Вас вырвались нехорошие слова, что я могу отталкивать Вас потому, что Вы “идете из низов народа”, а между тем, Вы даже не знаете, откуда иду я, и что я пережил и перенес в своей жизни?» (письмо от 23 декабря 1935 г.). Любопытно, что Краснов попробовал объяснить эту «обиду» Гребенщикова «избалованност[ью] и незакаленност[ью] на строгие критики» [3, с. 61].

Итак, дихотомия интеллигенция vs. крестьянский писатель, максимально рельефно сконструированная в статье «Перед судом фарисеев», отныне автоматически актуализировалась, как только в поле внимания Г. Д. Гребенщикова возникал концепт «интеллигенция», независимо от тематики и прагматических задач текста. Автобиографический миф, основанный на этой оппозиции, стал главным инструментом не только литературной полемики, но и писательской стратегии Гребенщикова в целом. Идеологема «врага» стала ключевым моментом в процессе формирования идентичности «писателя из народа».

Любопытно, что спустя полвека сходная стратегия вхождения в литературу будет реализована другими литераторами «из народа» – писателями-«деревенщиками» (анализ негативной идентификации «деревенщиков» (или, по крайней мере, амбивалентной, «промежуточной» позиции «между народом и интеллигенцией») [см.: 10; 11]). Как кажется, тема «Гребенщиков и “деревенщики”» открывает плодотворную перспективу исследования типологически сходных феноменов, абсолютно независимых друг от друга генетически и существовавших в различных хронологических и социокультурных контекстах.

Литература

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
2. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22 – 87.
3. Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924 – 1957) / сост. В. К. Корниенко. Барнаул, 2008. 172 с.
4. Гребенщиков Г. Д. Моя отчизна // Семипалатинский листок. 1906. № 16. 18 июня. С. 2.
5. Гребенщиков Г. Д. Перед судом фарисеев // Омское слово. 1909. № 19. 18 января. С. 3.
6. Гребенщиков Г. Д. Письма (1907 – 1917). Книга вторая / сост., автор предис., прим. (при участии В. К. Корниенко и К. В. Анисимова), указателя имен, Хроники жизни и творчества Т. Г. Черняева. Бийск, 2010. 200 с.
7. Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи, прим. Т. Г. Черняева. Барнаул, 2008. 212 с.

8. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 гг. М., 2004. 816 с.
9. Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. 608 с.
10. Разуvalова А. И. Виктор Астафьев: между «народом» и «интеллигенцией» (к проблеме конструирования писательской идентичности) // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры: Всероссийская конференция с международным участием. Красноярск, 26 – 27 апреля 2012 года. Красноярск, 2012. С. 293 – 301.
11. Разуvalова А. И. Писатели-«деревенщики» в поисках оппонента: эстетика конфронтации и этика солидарности // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 101 – 122.
12. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27 – 35.
13. Черняева Т. Г. Начало творческой биографии Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул, 2002. С. 36 – 47.
14. Черняева Т. Г. Творчество Г. Д. Гребенщикова: сибирский период: учебное пособие. Барнаул, 2007. 47 с.
15. Эко У. Сотвори себе врага // Эко У. Сотвори себе врага и другие тексты по случаю. М., 2014. С. 11 – 38.

Информация об авторе:

Горбенко Александр Юрьевич – аспирант, старший преподаватель кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, al_gorbenko@mail.ru.

Alexander Yu. Gorbenko – post-graduate student and Senior Lecturer at the Department of World Literature and Methodology of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

(Научный руководитель: Садырина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

Research advisor: Tatiana N. Sadyrina – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of World literature and Methodology of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev).

Статья поступила в редколлегию 23.04.2015 г.